

О. М. Шутова

ВОПРОС ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДРУГОМ В (ПОСТ)СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В контексте происходящих сегодня политических потрясений, волны терроризма, катаклизмов в Европе, странах арабского мира и т. д., размышления о путях развития исторического мышления и воображения, исторической памяти и сознания, традиционные для историографии и интеллектуальной истории, все более приобретают характер «практики», а не «чистой теории». Утверждая это, мы вновь обращаемся к постмодерну, поскольку связи основных интеллектуальных настроений второй половины XX в. с событиями начала XXI в. представляются нам очевидными. И даже маркировка нашего времени как «постмодерн» «не подлежит нашему выбору... Это наше условие существования, это наша судьба»¹.

Наша судьба или «наш бич»? Анализируя последствия постмодерна, Д. Флэкс приводит из них «всего лишь» три, но зато каких: (1) «смерть человека», деконструкция классических концепций человека и природы как кажущихся реальными, а на самом деле сконструированных в рамках языковых, социальных практик; (2) «смерть метафизики», развенчание европейской традиции философских систем трансцендентного сознания, являющегося лишь проявлением дискурса; (3) «смерть истории» — о несостоятельности идей истории-процесса и истории-прогресса².

Все эти «смерти» повлекли за собой перестройку всего здания западной культуры, и по мере усиления влияния постмодернизма, западный интеллигент все больше сталкивался с проблемами «политкорректности», даже произнося простые, на первый взгляд, фразы «Люди — это...» («men» — и люди, и мужчины), «С истинно научной точки зрения...», и «Как мы все знаем...»³. Откуда такая неуверенность в, казалось бы, устоявшихся оценках? Дело в том, что «устоялись» они именно в эпоху модерна, и именно эпоха модерна (калька с английского «современность», период начала индустриальной

стриализации и «капиталистических» преобразований) является центральной точкой отсчета и критики постмодернистов. Постмодернизм начинает набирать силу в результате разочарования в трагическом опыте модерна и одновременно в силу объективных условий, складывающихся в период после Второй мировой войны. Для тех, кто возразит, что состояние, классифицируемое сегодня как «постмодерн», особенно его литературные формы, появляется гораздо раньше, введем уточнение: именно после Второй мировой войны и даже в 1960-е гг. происходит становление «постмодернизма» как движения. Движения, занявшего лидирующее место в (пост)современной философии, литературоведении, теории культуры, историографии и других областях.

Постмодернизм имеет множество лиц: постструктурализм, децентрирующий «жесткую» структуру структурализма модерна; деконструктивизм (постструктурализм в литературоведении); «новый историзм» (сместивший деконструктивизм в 1990-е гг.); «культурная теория», трактующая культуру как символическую, лингвистическую и репрезентационную систему, а также более частные его проявления в виде теории дискурса и определения роли языка как ведущей линии в человеческой культуре...

Теперь такое нагромождение терминов не может «смутить» историка: влияние постмодерна глубоко проникло в историческую науку и заметно изменило ее облик в конце XX — начале XXI в.

Лингвистический / дискурсивный / культурный / антропологический «повороты», междисциплинарные заимствования, изучение «опыта» человека в истории и его представлений, «языковой» регистр культуры, признание полифонического характера культуры... «Нет мира вне моего языка» — расхожая фраза Хайдеггера проявляется и в понимании властных отношений. «Власть» (главная тема у М. Фуко) — наложение на общество определенных «дискурсивных

практик», исключение из «своего» мира всех, кто этим «практикам» не соответствует. «Классический» пример: для модерна было характерно доминирование дискурса мужской, взрослой, белой, гетеросексуальной части общества. Все, кто ему не соответствовал (женщины, дети, черные, гомосексуалисты и т. д.), исключался — в той или иной степени. Можно добавить сюда и те виды «исключения», которые делались по признаку вероисповедания, политической принадлежности и т. д. После Второй мировой войны создались условия, когда ранее исключаемые «меньшинства» осознали, что они исключены. Для послевоенного периода с его распространением демократии, распадом колониальной системы, ростом уровня жизни характерно то, что С. Жижек назвал прогрессом не столько в «уменьшении значимости насил-

ственного принуждения, но также и в признании того, что насильственное принуждение ранее воспринималось как «естественное» состояние вещей»⁴.

Здесь мы вновь возвращаемся к нашему первоначальному тезису о связи «теории» постмодерна и его «практики». Теоретические искания философии, литературной критики во многом подготовили подъем афро-американской мысли (и соответственно, это отразилось в историографии: история афро-американцев, устная история...), женской, а потом и гендерной теории, деконструкции устоявшихся стереотипов и всего того, что было исключено из западноевропейской модели культуры как Другое. Соответственно провозглашаемый в историографии сегодня «мультикультуализм», децентрация, деобъективизация берут начало именно здесь, фактически расходуя доктрину одного из главных идеологов постмодерна М. Фуко «предпочитать то, что дано непосредственно в своем многообразии и различиях, ...мгновенные сочетания — системам»⁵. И все же наполненные насилием события начала XXI в. во многом поколебали убежденность в правильности постмодернистских истин. Почему?

За множеством лиц постмодерна проглядывает главное — проблема построения идентичности как центра, вокруг которого вращается вся культура.

Именно «идентичность», а точнее, потребность реконструировать процессы референции в культурной традиции Запада связывает и объясняет появление во второй половине XX в. постмодерна (а применительно к историографии — собственно возникновение истории как идентификации человека во времени, и уже в наше время — появление женской, гендерной, устной историй). Ее ядром является представление о референтности и «отражении» в культуре. Так называемый культурный поворот несет не только представление о языке как об основе, моделирующей культуру, но и по отношению к собственно историографии выражается в осознании необходимости изучения «вторичной реальности», «себя через Другого», отражения в зеркале.

Постмодернистски настроенные исследователи показали, что в процессе идентификации понятие о «Другом» имеет определяющее значение. Как человек определяет себя? Через отделение от других. Как определяет себя группа? Через поиск, ощущение общего и различий, используя некую точку референции — Другого. Другого с заглавной буквы, так как его наличие оказывается постоянным и необходимым фактором идентификации.

Известный постмодернистский мыслитель Цветан Тодоров открывает свою книгу «Завоевание Америки», посвященную «открытию, завоеванию,

любви и познанию» Другого, отрывком из рассказа Д. Ланда «Положение вещей в Юкатане»: «Капитан Алонсо Лопес де Авила во время войны был увлечен молодой и красивой индейской женщиной. Она обещала своему мужу, опасавшемуся, что его убьют на войне, не принадлежать кроме него никому другому; и поскольку иной возможности уйти из жизни, кроме как быть убитой мужчиной, не было, она была отдана собакам». Позволим себе привести здесь довольно объемный комментарий Тодорова, так как в нем отражены практически все коннотации этой драмы — драмы Другого в расовом, этничном, классовом и гендерном изменениях: «Женщина майя погибает, брошенная псам. В ее истории, сведенной к нескольким фразам, сконцентрирован один из самых экстремальных вариантов «инаковости». Ее муж, который есть ее «внутренний Другой», уже не оставляет ей никакой иной возможности самоутвердиться: боясь, что его убьют на войне, муж хочет заговорить судьбу, лишая женщину свободы воли... Когда появляется

конкистадор, эта женщина — не больше чем место столкновения желания и воли двух мужчин. Убивать мужчин, насиловать женщин — доказательства власти мужчин. Женщина выбрала путь повиновения воли мужа и правилам своего общества; этим она вместила все, что ей оставалось от личной свободы. На самом деле ядром этой драмы была культурная инаковость: она не подверглась насилию, как если бы была испанкой, ее бросили собакам, потому что она заключала в себе женщину и майя одновременно. Никогда еще судьба Другого не была более трагичной»⁶.

Проблемы определение себя через Другого, конструирование и завоевание Другого посредством применения мерок «себя» стали центральными темами в исследованиях, называемых «постколониальными». Бросается в глаза то, что это обширное и влиятельное историографическое поле практически никогда не привлекает внимание историков в Беларуси. Если изучение теории национализма и этничности еще может быть оправдано как актуальное в глазах белорусских историков, то «постколониальные исследования» кажутся безмерно далекими, «не нашими» и «неприменимыми» для белорусского опыта. В то же время именно это поле, по оценкам многих, было началом самого постмодернизма.

Утверждая, что попытки решения проблемы идентификации представляют собой «движущую силу» в возникновении многих направлений постмодерна, следует отметить, что центральными для них самих являются проблемы соотношения, конструирования и завоевания Другого. В этом контексте и давно известный «европоцентризм» приобретает новые значения. В своей, уже классической работе Эдвард Саид показывает, как Восток стал

зеркалом, в котором Европа видела свое собственное отражение, которое позволяет нам больше рассказать о страхах и желаниях европейцев, нежели декларативные работы их самих⁷.

Постколониальные исследования (Э. Саид, Б. Андерсон, А. Нанди, Г. Ч. Спивак, Р. Дж. Янг и др.) показали, что западноевропейская цивилизация не только сама выстроена по принципу наличия этого Другого (иначе как отделить «свое», если нет «другого»), но также навязывает этому Другому свою модель культуры и свое видение их самих. Так, зарождающиеся интеллектуальные движения, например, на Востоке (большинство лидеров которых прошли западную школу, в прямом и переносном смысле), идентифицировали себя путем наложения тех образов, которые предлагала им западноевропейская модель Востока («мистический», «чувственный», «пышный»). Многочисленные исследования анализируют, как выстраивались новые («прозападные») модели философии, истории, литературы в Индии, Китае, на Востоке; насколько сложно было осознавать и преодолевать кажущееся «естественным» состояние вещей. Новые поколения интеллектуалов, осознавая фальшивость прежних попыток выстраивать свою идентичность по модели западноевропейской, пытаются вернуться к своим «корням», традициям и религии. В условиях нарастающей глобализации, ее «изнанки» в виде «вестернизации» и «американизации», претензий США на создание однополярного мира, фундаменталистские движения оказываются тесно связанными с процессом возвращения, или точнее, выстраивания идентичностей бывшего «Другого» заново. Динамика сегодняшних политических, культурных конфликтов оказывается тесно связанной с последствиями века модерна и постмодерна.

«Метизация культур», как ожидали постмодернисты, пока не происходит. Хотя У. Эко еще в 1990-е гг. утверждал: «Феномены, которые Европа все еще пытается воспринимать как иммиграцию, в действительности представляют собой миграцию»⁸. В отличие от иммиграции, которая в принципе может регулироваться государством, феномены миграции бесконтрольны. Мультикультурализм и метизация населения фактически реализуют доктрину постмодерна о преодолении «своего» и «чужого». Только к чему приводит такая реализация?

Обострение противоречий глобализации, терроризм и война против него создают кризис внутри самой теории постмодерна, в свое время идолизировавшей инаковость. Широкое распространение получает скепсис в отношении постмодернистской мысли или даже голоса об «окончании века постмодернистского деконструктивистского скольжения смыслов: теперь

мы вновь нуждаемся в устойчивых и однозначных взглядах»⁹. Иные, напротив, следуя постмодернистскому духу, пытаются оценить опыт происходящего с позиций Другого, а именно мусульманского мира. За некоторыми исключениями, реакция американских историков после 11

сентября характеризовалась принятием на себя частичной вины за то, что случилось (как следствие глобального капитализма и противодействия ему исламского фундаментализма), либо попытки исторического, философского, культурологического осмысления ислама, джихада, истоков исламского экстремизма и т. п.¹⁰

На самом деле культура сталкивается с дилеммой, описываемой Жижекком: либо (после 11 сентября. — О. Ш.) открыто признать, что она борется против угнетения внутри первого мира капиталистической вселенной, а это означает, что в случае разрастания конфликта между западным первым миром и внешней угрозой ему она вынуждена будет заявить о своей верности американской либерально-демократической системе (и об этом говорит, например, недавний успех теории о «столкновении цивилизаций» С. Хантингтона. — О. Ш.), или, делая рискованный шаг в сторону радикализации собственной критической позиции, она поставит под вопрос саму эту систему¹¹.

Теперь более понятно стремление многих историков осознать, «деконструировать» и преодолеть европоцентристскую картину истории. Создание так называемой «глобальной истории» («глобальной», а не «мировой»), поскольку в ней присутствует попытка написать историю, учитывая «перспективы» многих, а не одну лишь западноевропейскую, осмысление «западного» стиля исторического мышления и принципов историографии (см., например, дискуссию, развернувшуюся между двенадцатью ведущими историографами мира, включая Ф. Артога, Ф. Анкерсмита, Г. Иггера, Й. Рюзена, Х. Уайта, в ответ на статью П. Берка об особенностях западной историографии¹²), исследование проблем идентичности как центральной категории истории — эти аспекты историографии имеют далеко не теоретический характер.

Еще одним важнейшим аспектом проблемы осмысления идентичности в историографии видится нам поле, тесно связанное с уже упоминавшимися здесь постколониальными исследованиями, так называемые этнонациональные исследования. Еще в 1992 г. Э. Смит говорит о новых тенденциях в этой исследовательской сфере, связанных с (1) слиянием исследований этничности (бывшей ранее «вотчиной» антропологов) и национализма (изучавшегося главным образом историками); (2) акцентом на взаимовлияние

национализма и государства; (3) изучением соотношений между такими понятиями, как этничность, демократия и национализм; (4) с особой актуальностью, которую приобретают в последнее время исследования, исходящие из признания «воображенного» или сконструированного характера наций¹³.

В новой литературе, посвященной теории и истории становления и функционирования наций, «национальное» понимается как культурная конструкция, артефакт. Национальные характеристики не были predetermined исторически, а были сконструированы интеллигентами. Это вновь приводит нас к проблемам «Другого» и «инаковости»: воображение или конструирование национальной интеллигенцией наций опять-таки происходит с наличием «модели». Литовские интеллектуалы в XIX в. выбирают в качестве «модели» заимствования чешский опыт, пытаясь отделиться от поляков (которые для них становились тем самым «Другим»), польские мыслители еще со времен Яна Длугоша дистанцировали себя от литовцев, белорусские «краеведы» XIX в. тяготели к средневековым «литвинам», соперничая с литовцами за наследие Речи Посполитой и т. д. — целый «дом зеркал», по образному выражению американского исследователя Т. Снайдера. Исследование этих «отражений» начато в его монографии, ставшей, по сути, первым практическим применением новых концепций нации, анализом трансформации взглядов интеллектуалов, «воображавших» литовскую, украинскую, белорусскую нации¹⁴. Кроме того, это исследование дает нам повод обратиться и к ее белорусскому «зеркалу». Размещенная в «Беларускім гістарычным аглядзе» рецензия В. Зайки, отмечая ее положительные стороны, не показывает главного: трактовки Снайдером «воображенного» характера современных наций¹⁵. В своих попытках увидеть «национальную» историю Беларуси многие белорусские историки придерживаются гердеровских позиций «естественности» возникновения нации.

Наш краткий экскурс в проблематику идентичности, стоящую на одном из первых мест в историографии, должен показать некие перспективы. Однако в контексте сегодняшних катаклизмов «инаковости» перспективы развития идей второй половины XX в. выглядят далеко не радужными: «(1) признание культурных войн (феминистской, антирасистской и т. п.

мультикультуралистской борьбы) в качестве основного пространства освободительной политики; (2) чисто оборонительная установка на защиту достижений государства всеобщего благоденствия; (3) наивная вера в киберкоммунизм (где новые медиа непосредственно создадут условия для возникновения подлинного сообщества); (4) и наконец, «третий путь», сама капитуляция»¹⁶.

Постмодерн набрал силу на парижских улицах в конце 1960-х гг., когда на стенах Сорбонны появились надписи: «Структуры не шагают по улицам», «Забудьте все, что вы выучили, — начинайте с мечты». Что мы видим на французских улицах спустя почти 40 лет — означает ли это, что он здесь же и умирает?

¹ Jenkins K. On «What is History»: From Carr and Elton to Rorty and White. London, New York: Routledge, 1999. P. 6.

² Flax J. Thinking Fragments: Psychoanalysis, Feminism, and Postmodernism in the Contemporary West. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 33.

³ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. New York, London: W. W. Norton and Company, 1994. P. 4.

⁴ Zizek S. From Joyce-the-Symptom to the Symptom of Power // Lacanian ink 11, Fall. P. 12—25.

⁵ The Foucault Reader. Ed. P. Rabinow. Harmondsworth, 1984. P. XIII.

⁶ Todorov T. La conquete de l'Amerique. La question de l'autre. Paris: Seuil, 1982. P. 306.

⁷ См.: Said E. W. Orientalism. New York: Random House, 1979.

⁸ Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 1997. С. 75—90.

⁹ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. С. 41.

¹⁰ Journal of American History, Vol. 89, № 3, September 2002; Journal of World History, Vol. 14, № 1. March 2003.

¹¹ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. С. 57.

¹² Western Historical Thinking: An Intercultural Debate. Ed. J. Rusen. New York, Oxford: Berghahn Books, 2002.

¹³ Ethnicity and Nationalism. Ed. A.D. Smith. Leiden, New York: Brill, 1992.

¹⁴ См.: Snyder T. The reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569—1999. New Haven, London: Yale University Press, 2003. С. 30.

¹⁵ Беларускі гістарычны агляд, 2002. Т. 9. Сш. 1—2.

¹⁶ Жижек С. Тринадцать опытов о Ленине // Критическая масса. 2003. № 2.